

– тонкие линии –
выпуск шестой

Александра Мкртчян
Испанская партия

Днепр
Герда | 2021

УДК 82-1

М71

Александра Мкртчян родилась в 1981 году во Владивостоке. Окончила филологический факультет Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина по специальности «украинский язык и литература». Живёт в Харькове. Публиковалась в журналах «Дети Ра», «Харьков – что, где, когда», «СП» («Союз Писателей»), «Крещатик», «Ното Legens», «Контекст»; на сайтах «Футурум Арт», «Буквоїд», «Сумно?Ком», «Полутона», «Артикуляция». Под псевдонимом Сандра Мост выпустила три книги прозы – «Подвійне життя», «Боковой дрейф», «Три кита» (последнюю – совместно с О. Петровым и Д. Дедюлиным). Работает редактором.

ISBN 978-617-7639-62-5

© Мкртчян О., 2021

Остров Куртца

Если плыть по течению любой реки,
однажды, минуя мангровые заросли,
приплывешь к острову
полковника Куртца.

Первыми выскочат обезьяны:
ими движет чистое любопытство,
затем появится связующее звено –
человек искусства, или психотерапевт, или шаман,
он на скорую руку поделится опытом:
как обращаться к полковнику,
как здесь все обстоит.

Сам полковник Куртц
появится к вечеру,
ты для него – новая кровь,
поначалу не вызывающая особых чувств.
Полковник расскажет тебе
о местных нравах,
о том, как недавно к его берегам
прибило красивых людей,
кверху брюхом,
ему теперь есть, из кого выбирать.
Затем он уйдет в свои покои,
а ты поброди здесь, освойся.

Утром он упражняется с мечом –
головой тут и там,
всегда имей под рукой человека,
который будет говорить тебе исключительные вещи,
советует полковник,
ты-то тут не за этим,
не так ли.

Что будешь делать после того,
как убьешь меня?– спрашивает полковник,
подставляя свою бычью шею.
Заберешь их с собой на свое утлое
суденышко?
Сможешь ли ты позаботиться о них,
как следует?
Подумай об этом,– умоляющим тоном
произносит полковник.

Мы выходили в школьный двор
с игрушечными пистолетами в руках,
искали свой персональный секрет,
который дожидался именно нас
под кустом, в траве, под лежащим камнем –
он мог оказаться где угодно,
важная информация,
нераскрытая тайна,
готовая открыться только тебе,
ее можно было поймать в блокнот
ручкой или карандашом.

Тогда внутри нас еще не было
большой рыбы,
но порой мы вздрагивали
от прикосновения ее плавников,
что-то намечалось,
что-то приближалось издалека.

Сегодня я беру удочку
и отправляюсь к пруду,
правильное время суток,
умноженное на длину и прочность лески,
остается только забросить и ждать,
еще немного – и начинает клевать,
и вот я вытаскиваю на берег себя
утром, солнце только взошло.

Местный дворец культуры на первый взгляд был всего лишь заведением для времяпрепровождения школьников, на самом деле это был многоканальный телепорт.

В шестом классе после уроков, где-то раз в квартал, нас приводили в одну из многочисленных комнаток на третьем этаже,

там был видеомагнитофон,
играла музыка, мы ели торт,
а потом смотрели видик,
не помню что именно, в то время у всех на устах
был боди-хоррор «Муха».

Однажды нам показали эротический клип на песню «Ну что, красивая, поехали кататься?» группы «На-На».

На втором этаже справа была комната для игроков в шахматы,

я участвовала в местных турнирах,
играла с серьезными мужчинами,
которые в свободное от шахмат время работали на железной дороге.

На втором этаже слева прямо по коридору располагалась библиотека,

в библиотеке я была намного чаще,
чем в каморке на третьем этаже.

На первом этаже был актовый зал,
там вручали аттестаты в конце одиннадцатого класса.

А так посмотришь – обычное бежевое здание,
из которого ты попадал в десятки миров.
Дворец культуры работает и сейчас,
не знаю, куда из него попадают школьники.

Я люблю сделанное поверхностно,
небрежно выпущенное из разума,
поэтому я люблю отечественную поп-музыку,
она означает полное раскрепощение,
смотрите, ведь можно все,
и это цепляет,
наверное, так руководители большого бизнеса
расслабляются после брифинга,
никому не позволено бить меня, кроме тебя,
дорогая проститутка,
только молчи,
никому не говори,
я закатываю глаза от удовольствия, когда слушаю,
как кто-то трубку не возьмет
я держу себя в руках
а мне друзья говорили
забудь ее забудь...
Когда бог есть,
все позволено.

Я смотрю по сторонам и вижу,
что в целом неплохо ориентируюсь в реальности
консенсуса.

Вот что я скажу тебе,
который младше:
некоторое время ты будешь надеяться
на мифических старших,
мол, старшие понимают, старшие устроят,
на власть, которая государство,
на власть, которая в нотках произносимого,
можно прожить жизнь и так и не понять,
что же это такое – власть,
она струится, она течет, она не видна, но всеми ощутима,
в общем, некоторое время точка опоры
будет подразумеваться тобой
где-то за пределами твоего тела;
на самом деле
все мы несемся на разной скорости к смерти,
некоторые из нас умудряются с ней разговаривать,
например, сиди на месте, сука,
и нет, это не я говорю,
это, как правило, говорит смерть,
мы несемся к ней каждый в своем времени,
и почти никто не знает,
что с этим делать,

наша жизнь произведение,
посвященное смерти,
дон Хуан говорил,
что она слева и если хочешь получить добрый совет,
посмотри на нее,
а затем посмотри на то, что ты делаешь.
Нет никаких взрослых,
этих людей, которые понимают больше твоего,
таких людей нет,
ничья власть тебя не спасет,
на самые важные вопросы по-прежнему нет ответа,
никто ничего не знает,
миллиарды до тебя ничего не знали,
миллиарды рядом с тобой ничего не знают,
миллиарды после тебя будут ничего не знать,
даже если ты им расскажешь.
Так что посмотри по сторонам и – не знаю –
прими решение,
найди свою смерть,
где-то слева,
ее ледяное молчание – это одобрение.

У Марка Аврелия – вырезанного изображения
у меня перед глазами –
лежал прямой путь от сердца
к разуму,
вот и я стараюсь быть простой
и понятной,
как будто это возможно.

Алчущий не получит прямого ответа,
но я стараюсь
выражать то, что живо,
нить за нитью вытягивая это из небытия.
Что, если нет никаких вопросов?
И я сижу на обочине,
пропуская машины на площадь.

Сверни с главной улицы,
приглуши мотор,
не будем смущать местных жителей,
пять домов по левой стороне,
семь по правой,
возможно ли на примере нескольких семей
отследить ход мировой истории?
Здесь – безусловно,
ведь мы в самой глухой глуши,
твин пикс,
простирающийся во все стороны света,
здесь есть всё,
и еще сверх того.
Ёкает ли у тебя в груди,
когда в окне ты видишь семью,
сбравшуюся за ужином?
Под лоскутом асфальта обязательно есть Аид,
мост можно перебросить от произвольной точки,
в лесу поблизости живет страшное,
боги прошлого повсюду,
лучше им оставаться неназванными,
каждое новое поколение
дает им все меньше,
они голодны,
их глаза горят,
поэтому они пристально следят за дерзкими детьми
с пытливым умом.

Одно и то же послание
передается из поколения в поколение –
о своих и чужих,
подлежащих травле,
их будут гнать камнями в спину,
чтобы затем принять обратно
как новых гневных богов,
не узнав в сверкающем лице
лица, когда-то хорошо знакомого,
с рваной линией губ.

У тебя совесть есть?

Спрашивают люди, обремененные совестью, друг друга.

К сожалению, да.

Как показала многолетняя практика Хеллингера,

у человека есть целых три вида совести –

личная, коллективная

и некая духовная,

которая, если повезет и если ее не глушить первыми двумя,

поведет нас по небесным полям.

Самое забавное, что

личная и коллективная совесть

находятся в конфликте друг с другом,

а также с жизнью в целом,

особенно это заметно по краям,

где живут маргиналы.

Перепрыгивая через ступени,

мы с чистой совестью принимаем на себя

бремя отцов и матерей.

Нас, своих, пятеро, а чужих целый мир –

это действие личной совести.

Этот конфликт заложен в нас как бомба от рождения,

из-за него погиб Гамлет, из-за него погибает

много настоящих людей,

он то, что делает человека героем, зачастую посмертно.

Не потому ли нас восхищают социопаты,
которые то ли лишены чего-то основополагающего,
некоего социального чувства,
то ли являются улучшенной версией человека.
Так что да, у меня есть совесть,
и если она будет прогрессировать,
я умру.

Мы пришли сюда, чтобы дышать,
а что же вы делаете? –
говорит вакханка.

Вы не умеете отличить
метафору от руководства к действию, –
говорит даос, стоя на площади.

Это было волшебное время,
когда каждый мог быть кем угодно,
но в основном предпочитал оставаться собой.

Когда пишешь,
главное – не уснуть.
Такое порой случается:
пребывая в рамках своей культуры,
время от времени впадаешь в сновидение,
сновидишь, не приходя в сознание,
иными словами, спишь, галлюцинируешь,
а когда приходишь в себя –
видимо, кто-то снова испытал ядерную бомбу –
оказывается, ты все это время по инерции что-то писал.

Спросишь кого: кем ты был в прошлой жизни?
Все были Клеопатры, Александры Македонские,
Иисусы, Нефертити,
великие полководцы, спасители человечества, монахи,
Гименеи, что физически вряд ли возможно,
тем не менее иногда встречается.

Мир полон людей, которые в прошлой жизни были

Микеланджело

(одно из двух:

либо все, кроме одного, ошибаются,
либо идея о свернутых измерениях справедлива).

Если было бы возможно повернуть штуку с выявлением
хозяина предметов в прошлой жизни,

о, как много бы их зажало в брэнной лапке
кисти Боттичелли, Караваджо, Рембрандта, Тициана.

Кто чуть более образован,

тот довольствуется прошлой жизнью Адриана Коорте

или Еврипида.

И мало кто ответит честно:

я был крестьянином,

я пела на плантациях своих господ

низким черным голосом,

я был Мелет, обвинитель Сократа,

плохой поэт и убийца,

я была той,

что сидела в первом ряду и видела все,

я был Тед Банди,
сейчас я вегетарианец.
Не говорите, что нам многого не понять,
мол, многое не высказано, невысказано,
между мной и другим пропасть,
между нами непроходимая стена –
ерунда. Я такой же, как ты,
всё, на что способен один, может и другой,
и пусть это неправда,
доля истины в этом есть.

Древние люди кормили своих мертвецов
через трубочку.

Ученые утверждают,

что ими двигала не теоретизированная мысль,
они, скорее, руководствовались инстинктом.

Думаю, наши современники, которые, например,
готовы поступиться интересами других
ради собственной выгоды,

тоже руководствуются тем же инстинктом.

Платон говорил,

что не может человек,

зная, что некий поступок является плохим,
совершать его по своей воле.

Носители антропологической ценности,

они не ведают, что творят,

пока остальные не ведают, как их оценить.

Написав одно предложение,
я думаю над другим,
и между ними то тут, то там появляются лишние слова,
они как сорная трава, лишены сути, уводят в никуда,
некоторые мне вообще не принадлежат
ни по форме, ни по содержанию.
В самом конце на завершенной картине
будет что-то,
на ней не будет целой вселенной сорных трав,
огромного, ложного, неуместного мира,
цветущего по другую сторону.

Очень полезно вырастить внутри себя –
как продолжение любви к неорганической химии –
собственного доктора Хауса,
который критически относится ко всему,
что ты делаешь, что чувствуешь, о чем думаешь
и в чем убежден.

Он смотрит на себя самого и на окружающих с интересом,
не спешит с выводами;
человек – любопытная комбинация травм,
защитных механизмов и коротких прозрений,
образованности и невежества,
возможно, тот или иной человек таков, каков он есть,
потому что кислород поступает к соответствующим
участкам мозга

в недостаточном количестве,
хорошо, когда человек проявляет амфотерные свойства,
если же человек слишком добр,
вероятно, у него воспаление мозга,
следует сохранить опасение,
что просветление является чем-то вроде
осознанного инсульта.

Лишая бога антропоцентричных черт,
доктор Хаус пользуется бритвой Оккама;
по его мнению, многое объясняет,
например, принцип Ле Шателье.

Пациенты прибывают,
диагнозы повторяются,
самый любопытный симптом –
собственная хромота.

Нас не окружают nice people,
мы не относимся к тому обществу,
которому выгодно, чтоб его граждане
были хорошими людьми.
Тем не менее пока не все решаются воспитывать детей
в духе откровенного зла,
только успешные бизнесмены:
не уступай другому ни в чем,
не отдавай долги,
не будь слабаком,
ударь другого,
убей другого,
поэты это лохи какие-то,
ученые это лохи какие-то,
музыканты – неудачники,
извините за наглядность.
Следуя до конца не изученным
естественным схемам развития,
хорошие дети становятся хорошими взрослыми,
с надъеденными бочкáми.
Я не выбирала быть тем,
кем являюсь.
Основываясь на весомых выводах в рандомном порядке,
моя психика принимала те или иные решения,
учитывая семейные и общечеловеческие импульсы,
так и возникла моя воспринимающая и реагирующая личность.

Если бы я могла выбирать,
выбрала бы, скорее, тип Вилланель из «Убивая Еву»,
что, впрочем, является скоропалительным решением,
иногда отсутствие выбора это хорошо,
по крайней мере применительно к психике.
Но кое-что все же мне подвластно.
Если человек, столкнувшись с моей воспитанностью
и добротой,
сделал странный вывод
о своих возможностях и правах
манипулировать и постепенно садиться мне на голову,
мне очень сложно показать ему то лицо,
которое он заслуживает.
Мне сложно, но я могу.
Иметь множество лиц это необходимость,
плохо, когда психика ригидна.
Вилланель говорит, что быть плохим это просто,
нужно лишь потренироваться.
Тренироваться это мой любимый навык,
я верю в себя,
все у меня получится.

Испанская партия

В некоторые мгновения
я чувствую абсолютную свободу,
словно впервые прочитала стихи Джона Эшбери,
словно разыгрываю Испанскую партию,
Сb5, все так сложилось,
льется музыка, доносятся звуки литавр,
моя цель – черный король, не меньше –
в правом дальнем углу,
и если вовремя провести a4,
ты – волнующий бог,
цветы и птицы,
и голова работает, как часы,
и Одри танцует.

Если бы я была президентом,
по правую руку от меня сидела бы Вилланель,
по левую Го Го Юбари,
они цедили бы сквозь зубы
shame ганьба позор,
чтобы быть понятыми всеми,
не ущемляя ничьих интересов.
Мои губы были бы плотно сомкнуты.
По вечерам столица принадлежала бы им,
коктейль молотова полетел бы в плохой ресторан,
за отсутствие шелковых салфеток на столе
летели бы головы с плеч,
в конце концов убивали и за меньшее.
Я вижу лошадей с горящими гривами,
которые носятся по мостовой не разбирая дороги,
воплощая добродетель и справедливость.
Ошо говорил, что в идеальном мире правили бы поэты,
Ошо сам был поэт,
у него было хорошее чувство юмора,
его помощники знали толк в безопасности,
оружия в Раджнишпураме было больше,
чем у полицейских во всей округе.
Как хорошо, что люди, идущие в политику,
лишены подлинного воображения,
эмоционально стабильны,
им понятны простые человеческие радости.
Хвала нормозу, хвала.

Мы заглядываем друг другу через плечо,
свободные от обязательств.

Делаем выводы на основании
замеченного боковым зрением.

Вот если бы мы все навалились на абсолютную истину,
и перевернули ее, и разбили,
чтобы посмотреть,
что у нее внутри.

Вместо этого писатель вытасит козырь из рукава
в самом конце детектива,
математик излагает гипотезу для десяти других математиков,
одного из них выведет из этого тесного круга инсульт,
что является крайне грубым примером,
зато наглядным,
сценарист заставляет своего героя совершать
абсурдные поступки,
философ наблюдает, чтобы мысли не выплескивались
из русла.

Каждый занят своим делом,
вроде бы так и должно быть.

Чего же тогда мы все хотим?

Я даже не знаю, стоит ли этого хотеть.

Когда в Киеве открывали филиал Белого вигвама,
пришли самые разные люди,
в основном деятели культуры,
подавляющее большинство почетных гостей
не смотрело «Твин Пикс» в девяностые,
тем более не смотрело «Твин Пикс» в 2017-м,
они не знали, кто такая Лора Палмер,
не знали, кто такой Боб,
ничего не знали о ядерном взрыве, о Доме у дороги и совах.
В лучшем случае кто-то смотрел «Малхолланд Драйв»,
и теперь у него в голове вертелась пара мыслишек
о центральном водоснабжении.

Когда Дэвид Линч говорил о гармонбозии,
присутствующие улыбались и пили шампанское,
когда Линч говорил о методе агента Купера,
какой-то гость выкрикнул, что у нас тоже
очень много агентств.

Я тянула за рукав то одного, то другого:
подождите, как, по-вашему, это работает?
Да забей!– бодро отвечали они,–
смотри, как весело! Это культурное событие!
На следующий день посреди города возник
гигантский чайник,
из него валил густой белый пар и что-то еще,
Дама с поленом подходила к тем, кто не успел убежать,
каждое утро в кофейниках обнаруживалась большая рыба,

Великан, однорукий Майк и алгебра прогуливались
по городу,
некоторые стали появляться в двух местах одновременно.
По всей стране усилилось беспокойство,
многие выходили на улицу в шапочках из фольги.
Ну а я поняла, что напрасно переживала:
мир стал доступной метафорой,
это же счастье, подлинный рай на земле.

Я пытаюсь определить стихотворный метр,
чего не делаю никогда.

Но здесь,
возможно,
тайна царит и в этом.

Впрочем, я делаю это напрасно,
зря ищу последовательность.

А знаешь, что слышу я?
Шорох веревочной лестницы,
которая опускается всюду,
где бы я ни была.

Поэтому мне
в конечном счете
так многое безразлично.

Когда я была маленькой,
они всегда смотрели на меня.
Что бы я ни делала,
они смотрели,
можно было разыгрывать представления
буквально на каждом шагу,
каждый шаг и был представлением.
Они *смотрели* не в том смысле,
что они *всё видели*,
скорее, они *присматривали за мной*,
а также – они *всегда были рядом*.
Как же было странно,
что несмотря на это порой случалось всякое.
А что же сейчас?– спросите вы.
Резонный вопрос.
Разумеется, ты же такую картину описала,
прямо персональное доказательство существования Бога,
так продолжай, скажи правду,
раскрой карты,
где ты сейчас бываешь и когда,
может быть, пора уже высказаться,
изложить начистоту, что, мол,
небо подернулось дымкой,
а глаза с поволокой,
вот и не видать ничего на горизонте,
да и горизонт стал горизонтом событий.

Или наоборот:
легкие облака плывут по небу,
солнце смеется,
новый опыт вливается в новые мехи,
иногда в крови встречается промилле,
если язык – это дом,
в этом доме полно щелей.
Мой внутренний ребенок улыбается твоему внутреннему
ребенку.

О чем я говорила?
Я о чем-то говорила.

Думаю, в строгом мышлении
между мыслями есть промежутки,
столь малые, что едва описываются временем
и вряд ли охватываются пространством,
в них струится огонь не-мыслимого
и звучат стройные песнопения,
хоралы, исполняемые на Рождество, –
впервые они были услышаны именно там,
там значение слова составляет богатство его смысла,
творится молитва и горят желтые глаза кошки,
готовой прыгнуть на голову своему создателю.
И ты мне скажешь: вовсе не оттуда доносится глас,
а я отвечу молчанием.

Ндрангета

Встретив старика в заношенных одеждах
в горах Калабрии,
не спеши его пожалеть,
мол, сколько же ты лет видишь эту землю,
а государство так ничего и не сделало,
не спеши так думать,
ты не у себя дома.
Скорее всего, этот старик
в горах Калабрии
и есть государство,
имя ему доблесть.
В его подслеповатых глазах
отражаются утренние горы,
подернутые туманом,
в его мыслях – весь мир,
потому что наркотрафик охватывает весь мир.
Да не собьет тебя с толку
его простая пища:
его хлеб всегда был хлебом,
а вино – лишь вином;
кому еще дано столь ясное понимание того,
что такое жизнь, смерть, кровь и деньги?
Его бесстрашие передалось внуку,
который потерял отца-предателя,
но все равно обзавелся семьей.

Порой нет-нет да и нахлынут волны мыслей к изголовью:
я обменяла бы на его понимание
свой разум, отдала бы свое эстетическое чувство,
ведь что такое это эстетическое чувство –
вечная фантомная боль.

Или же я ошибаюсь
и душа его черна,
как дно колодца.

Каково это – иметь черную душу?
Иметь постоянную форму?

Я найду лучшие слова
среди самых добрых слов,
это золото, лук и стрелы, формула, звезда,
площадь, многолюдный, сумерки, овал,
выберу самые яркие цвета –
изумрудный, алый, золотой;
на бархатной скатерти плато
нас рассудит стаунтоновский комплект фигур.
Никто не посмеет
нарушить ход партии, никто,
если только это не сама Долорес.
Долорес, кто сумеет тебе запретить?
Смешай фигуры, сбей с них спесь,
мир не принадлежит ни черным, ни белым,
смахни их со стола,
спутай человеческие ходы.
И когда осядет пыль,
я найду новые слова,
соберу цветы,
разверну огромный чистый холст.

Никому в отдельности

Если бы после взрыва в Рейксмузеуме
я тоже не сообразила что к чему
и прихватила с собой картину Адриана Коорте,
я повесила бы ее на стену в уединенном доме,
сидела бы днями под ней
при искусственном освещении,
не сводя с нее глаз,
пьянела и умирала от счастья.
Плоды уже чуть тронуты гниением,
окружены тайной,
словно омытые углеродом.
Ripeness is all,
а также толчок для энтропии.
О, я окружила бы себя суетой сует,
сидя в ней словно в луче божественного света,
и умерла, как крыса
от всемогущего электрода.
Не следует пытаться бесконечно воспроизводить
свой удачный опыт,
каждому практикующему медитацию это известно.
Пусть излучающее свет
светит всем и никому в отдельности.

Близился день,
когда агатхон и бхакти должны были встретиться.
Никто не знал,
что последует далее.
Они говорили на разных языках,
но понимали друг друга без слов,
поэтому их переводчики были напряжены,
а у интерпретаторов было полно работы,
ведь каждому интерпретатору известно:
больше всего работы, когда не сказано ничего;
о, как были переполнены их заковыристые умы.
Если оно начнет речь первым,
это сочтут за слабость;
если оно начнет речь первым,
это сочтут за слабость,
так что, скорее всего, они будут молчать.
Эти двое умеют читать мысли,
если находятся на малом расстоянии от источника мысли,
поэтому самое важное,
чтобы блокираторы не дали сбой,
они тем временем, наверное, будут мысленно петь гимны
или молиться,
чтобы сбить друг друга с толку.
Боже, какой близится день!–
говорили старейшины и поглаживали бороды.
О чем они договорятся?

Как решится наша судьба?
Совершенно неясно, что будет дальше.
Жизнь остановилась,
взгляды людей были устремлены ввысь.

И трава бы не росла,
но она росла,
потому что не воспринимала;
и птицы бы не пели,
но они пели,
потому что не знали;
и дети бы не играли,
но они играли,
потому что не понимали.

Боковое зеркало заднего вида

Пока убийство не раскрыто,
никто не будет восхищен, –
сказал бодхисатва.

Вот почему профессия следователь
греет мне сердце:

прямо сейчас необходимо полное знание,
непрерывно нужны улики, все до единой,
каждый камень, каждый цветок должен быть назван.

Дело закрыто,
но будет финал открытым,
багровый закат
сообщит мне тургор.

Непрерывно нужно любить море и солнце,
биссектрису и перекресток,
площадь и угол.

Вот, я снова в ковчеге,
везу несколько бутылок, запечатанных сургучом.
В них души незабвенных людей.
Однажды, когда снова наступит цивилизация,
я сделаю из них голограммы
и буду говорить с ними
обо всем,
они будут отвечать мне цитатами из собственных книг
на все лады.
Все четыре тома из этой бутылки –
не дадут мне забыть об истоках разума;
один трактат, исследования
и пара разноцветных тетрадей – в другой,
в третьей поэма,
то, что мне удалось спасти.
Бог, ты же обещал,
радуга, помещенная в облаке,
которая была символом договора
между тобой и землей, помнишь?
Однако
мог ли ты услышать мои слова,
как прежде,
когда многие из них произносились впервые?
В последние дни
половины обозначаемых предметов
уже давно не было,

а другой половины не было никогда.
Треугольник Фреге смыло водой.
Даже лучше,
никаких жалоб отныне,
никаких претензий,
теперь я могу быть кем угодно,
мысль моя полетит над океаном
в любую сторону,
во все стороны,
больше нет никакой повестки,
нет формы и нет границ,
и поскольку я помню прежние,
новые будут,
о, поверьте, новые границы
будут таковы, что стоящий на одном берегу
никогда не услышит стоящего на другом.
И если меня спросят, почему это именно так,
я отвечу: моя память
отравила меня.

Мышление удивительно:
сначала ты переходишь от А к В, а затем к С,
потом ты уже соглашаешься с тем,
что бог не может быть создателем зла,
ведь это очевидно,
а вот ты уже следуешь за мальчиком в красных шортах,
который привиделся вдалеке после бомбежки,
единственный выживший ребенок,
бежишь за ним по зеленой траве,
по бесконечному минному полю,
нет ему ни конца ни края,
потому что это абсолютно последовательно,
абсолютно, последовательно,
не было другого варианта.

Разум усталый картину творит из тел полусгнивших,
это трактует как то, то как это, а может быть, аналогично,
это подобно вчерашнему, первому дню на планете,
помните, Анна Петровна ловила стрекоз на болоте?
Давеча грустный Аркадий несколько пятен поймал
на картинке.

Утром меж тем грозный Ктулху единорогообразный
выступил из прибора, лоб его хмурый бугристый,
Людочка, это же папа, криком разносится эхо,
чудо вера твоя сотворила, из темного Афганистана.

Тянутся тонкие руки в топкие норы кротовы,
звуки, знакомые с детства, над Марсом кровавым клубятся.
Помнишь, как в аспиде с Ромой, мальчишкой беззубым,
играли?
Помню, вернись в мое лоно, – бездна тебе отвечает.

Сколько погибло их в пермском периоде,
огромных, синапсидопобных,
с мощными сухожилиями, амнионами и серозой,
адаптивную радиацию помнишь?

Сколько силы было в их взгляде –
бывало, глянут – и тысячи мелких осколочных
трилобитов или всяких там семян папоротника
фух! – и всё!

нет их, не видно.

Клада могучая...

И не нуждались дейноцефалы в какой-то там мысли,
их вид и был мыслью – лапы, хвосты!

Если бы не метеориты,
так и сидели бы динозавры на деревьях,
до сих пор бы сидели.

По мотивам фильма «Бескрайняя ночь» Эндрю Паттерсона

Надо было мне,
надо было тогда, в 1950-м
в Каюге, штат Нью-Мексико,
не отпускать эту сияющую тарелку,
бьющую в лицо лучами света,
каждая деталь в которой,
эти прожекторы, например,
были воплощением любви и отзывчивости,
не ходить потом по больницам,
демонстрируя странные рубцы,
не трясти головой,
опутанной проводами:
они хотели меня похитить! они собирались меня забрать!
Вот идиот, говорили врачи.
Помню, меня тогда восхищала идея полупроводников
с диодами на основе... господи,
а еще в городе открылась новая сеть домашних ресторанов,
и трава была такая зеленая,
а под кораблем она почернела.
Как же нас порой подводят наши собственные чувства!
Идиот, они хотели тебя спасти.

Сколько правды было в подстрочнике,
сколько силы – в неограниченных словах,
выброшенных во имя результата,
синонимы, синонимы, еще одно, ближе по смыслу, –
и вот уже не значение, а сам предмет лежит в строке
в двух или трех нелепо сочетаемых словах;
порой правдивее оказывался антоним;
случалось, удачная метафора
уводила за собой в никуда.

Фрагменты (The Strong Parts of Reality)

1

Разве, когда мандарины спускались с луны,
мы теряли себя, нарушая ход мыслей,
забывая о назначении чувств,
или, может быть, мы оставляли приличия?
Или когда белый дух каждого укрывал,
а под сухой яблоней
все же нуждалась мысль,
разве мы оставляли свое?
Так что же сейчас, когда
всякий знает (неразборчиво)
никто не займет твое место у барной стойки.
Никогда, никогда (далее неразборчиво)

2

...и когда я осталась посреди дороги с мешками,
вокруг не было никого,
тогда я крепко это усвоила:
только воздух,
and my lips, and teeth, my tongue,
therefore, vibrations and my pronunciation,
и те, кто уехал,
знают об этой дороге,
то есть мне следует сойти с нее,
therefore, only my eyes and my ears,
и далее, чтобы не повторяться;

я думала: почему, собственно, проект загнулся,
когда страна только началась,
можно было бы понять,
если бы страна уже закончилась,
и тогда проект тоже, но страна ведь только началась,
therefore,

содержание

Остров Куртца	3
«Мы выходили в школьный двор...»	5
«Местный дворец культуры...»	6
«Я люблю сделанное поверхностно...»	8
«Я смотрю по сторонам и вижу...»	9
«У Марка Аврелия – вырезанного изображения...»	11
«Сверни с главной улицы...»	12
«У тебя совесть есть?»	14
«Мы пришли сюда, чтобы дышать...»	16
«Когда пишешь...»	17
«Спросишь кого: кем ты был в прошлой жизни?»	18
«Древние люди кормили своих мертвецов...»	20
«Написав одно предложение...»	21
«Очень полезно вырастить внутри себя...»	22
«Нас не окружают nice people...»	24
Испанская партия	26
«Если бы я была президентом...»	27
«Мы заглядываем друг другу через плечо...»	28
«Когда в Киеве открывали филиал Белого вивама...»	29
«Я пытаюсь определить стихотворный метр...»	31
«Когда я была маленькой...»	32
«Думаю, в строгом мышлении...»	34
Ндрангета	35
«Я найду лучшие слова...»	37
Никому в отдельности	38
«Близился день...»	39
Боковое зеркало заднего вида	41
«Вот, я снова в ковчеге...»	42
«Мышление удивительно...»	44
«Разум усталый картину творит из тел полусгнивших...»	45
«Сколько погубило их в пермском периоде...»	46
«Надо было мне...»	47
«Сколько правды было в подстрочнике...»	48
Фрагменты (The Strong Parts of Reality)	49

Мкртчян Александра

М71 Испанская партия. – Днепр: Герда, 2021. – 52 с., серия «Тонкие линии».

ISBN 978-617-7639-62-5

В книгу «Испанская партия» вошли стихи последних лет. Множественные грани реальности, смещение фокуса, кажущаяся несерьезность – все это можно было бы назвать характерными признаками поэтического метода Александры Мкртчян, если бы не ее разрушающее любые предубеждения стремление к игре.

УДК 82-1

Літературно-художнє видання

Мкртчян Олександра

ИСПАНСЬКА ПАРТІЯ

(російською мовою)

Упорядник серії «Тонкі лінії» Станіслав Бєльський

Колаж на обкладинці Віка Шибасєва

Фото Unsplash

Дизайн обкладинки Сергій Синоптик

Макет та верстка Misheal_D

Формат 60x90/16. Папір офсетний. Гарнітура MetaCyrRoman

Друк цифровий. Ум. друк. арк. 3,2. Тираж 150 прим.

Замовлення № 62/21

Видавництво «Герда» 49000, м. Дніпро, пр. Д. Яворницького, 60

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК №397 від 03.04.2001 р.

book-shop.in.ua

ISBN 978-617-7639-62-5

Поэтическая серия

«Тонкие линии»

Сергей Синоптик
«Нужное зачеркнуть»
2020

Максим Бородин
«Осторожно стекло»
2020

Ольга Брагина
«Речь похожа на карманный фонарик»
2020

Антон Полунин
«Does Marsellus Wallace look like a bitch?»
2020

Евгений Пивень
«Всегда хотел чтобы в конце огорода росло огромное дерево»
2020

Александра Мкртчян
«Испанская партия»
2021